

выбор Лизы Биргер

СТАРИКАМ ТУТ НЕ МЕСТО
КОРМАК МАККАРТИ
СПБ.: АЗБУКА-КЛАССИКА,
2009
CORMAC MCCARTHY.
NO COUNTRY FOR OLD MEN

Был ли Кормак Маккарти иконой до того, как его роман «Старикам тут не место» экранизировали братья Коэн, или не был, сегодня, наверное, не имеет большого значения. Он точно икона сегодня, когда каждое движение писателя вызывает волнение в стройных рядах поклонников, каждое публичное появление — давку в рядах фанатов. До «Стариков» он жил затворником, не появлялся ни в свете, ни в телевизоре. В 2006 году, когда вышли «Старики», а роман Маккарти «Дорога» получил Пулитцеровскую премию, все изменилось. Маккарти превратился в публичную фигу-

ру, он ездит по стране с лекциями, даже появляется на книжном шоу Опри Уинфри и всюду повторяет одно и то же: миру плохо, мир катится в пропасть. В России все ждут, когда будет издан роман «Дорога», где апокалиптические прогнозы Маккарти доведены до точки, нетерпеливые уже могут прочитать «Дорогу» в последнем номере журнала «Иностранная литература» за прошлый год. Но и «Старики» достаточно, чтобы понять все, что Маккарти хочет сказать про пропасть. На самом деле Коэны постарались экранизировать роман максимально близко к тексту, сохранив даже интонацию. Маккарти известен тем, что пишет почти завышенными предложениями, игнорируя при этом знаки препинания, без запятых, обходясь одними точками. Коэны делают то же самое, убирая все лишнее из кадра. В романе, как и в снятом по нему фильме, никакого просвета нет, каждый герой, ввязавшийся в денежную гонку, логичным образом получает пулю в лоб. Есть, впрочем, одно суще-

ственное различие: в романе есть Бог, которому в фильме места не нашлось. Автора, а вслед за ним и его «хорошего» протагониста, шерифа, трагедия нравов американских 1980-х интесует лишь как очередное доказательство существования или несуществования Бога. «Я вот как поставил все ждал что Бог как-то явит мне себя. Не дождался. Я не виню его. Будь я на его месте, думал бы обо мне то же, что он».

КНИГА УЖАСА. ИСТОРИЯ ХОРРОРА В КИНО
ДЭВИД ДЖ. СКАЛ
СПБ.: АМФОРА
DAVID J. SKAL.
THE MONSTER SHOW:
A CULTURAL
HISTORY OF HORROR

Биография хоррора, к которой нет никаких вопросов: если уж и издавать книжку про хоррор, то непременно эту. Дэвид Скал — американский культуролог, специалист, как честно сказано на обложке, по «мрачной фантастике». Но на обложке не сказано, что книга эта не про хоррор вообще и всюду, а про американские ужасы и американских «уродов» с 1930-х по конец 1980-х годов. Свою книгу Скал написал в 1993 году, слегка дополнил в 2001-м. Здесь нет ничего про современные ужасы, про Робба Зомби или, например, Гильермо дель Торо, про то, чем, как и почему нам это

вообще интересно сегодня. Вместо этого Скал пытается в истории киномонстров увидеть отражение истории американского общества. В этой хронологии первая важная веха — фильм «Кабинет доктора Калигари» — оказывается рефлексией по поводу только что окончившейся первой мировой. Бела Лугоши в роли Дракулы и Борис Карлофф в роли Франкенштейна становятся символами Великой депрессии. После второй мировой войны и бомб в Хиросиме рождаются Кинг-Конг и Годзилла, великаны и крабы-убийцы, монстры с нечеловеческими лицами. В начале 1960-х, ссылаясь Скал на Сьюзен Зонтаг, «уроды» вышли в люди и стали полноправным и признанным объектом искусства: «Жизнь-хоррор против жизни-скуки». На смену общим страхам приходят частные: страх перед беременностью («Ребенок Розмари» и прочие «страшные» дети), страх перед физическими изменениями (Фредди Крюгер и Майкл Джексон). Завершается история Стивеном Кингом, который одомашнивает

индустриальный хоррор, и заходом в 1990-е годы, где «Ведьма из Блэр» и «Шестое чувство» Шьямалана демонстрируют уход от эстетики монстров в более глубокую психологию хоррора. Для Скала хоррор — важная часть общественной жизни, и, вписывая его в общую историю, он как будто пытается таким образом дать ужасам право на жизнь. Тем более что монстры, о которых он пишет, — Дракулы, Франкенштейны, уроды — уже в прошлом. Время монстров в кино прошло, считает Скал. Пришло время бороться с монстрами внутри нас самих.

БРИГ «АРТЕМИДА»
ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
М.: ЭКСМО

В 2008 году Владиславу Крапивину исполнилось 70 лет. Юбилей стал для издателя поводом выпустить сразу две новые повести Крапивина — сначала «Дагги-тиц», потом «Бриг „Артемиды“». Обе книжки в рифму, обе о вечнокрапивинском, то есть о мальчиках, о взрослении и о науке выживать, обе занимают какое-то глубоко далекое место в его собрании сочинений, и обе стоят того, чтобы напомнить, что есть такой писатель и новые его книги интересны не меньше прежних. «Бриг „Артемиды“» — чинная приключенческая повесть под XIX век, которая «ни в коем случае не претендует на документальность и вполне может быть

отнесена к жанру сказки». Главный герой — мальчик Гриша, сирота, усыновленный большой купеческой семьей — попадает на бриг «Артемиды», который со сверхсекретной миссией плывет на Кубу, а приплывает в Гваделупу. За те почти 50 лет, что Крапивин пишет, он создал что-то вроде канона взросления: самые разные мальчишки из разных времен зачисляются у него всегда одним и тем же — растут. Взросление может быть не веселым, как в «Дагги-тиц», повести о мальчике, который борется за жизнь с кулаками и плачет над смертью друга-мухи, или более или менее легким, как в «Бриге „Артемиды“». Но и «Дагги-тиц» не лишен романтического флера: есть тут и дружба, и приключения. И «Бриг „Артемиды“» не лишен трагедии: взять хотя бы сцену, в которой на палубе при общем строе черным кнутом порют провинившегося матроса. Но от всякой трагедии у Крапивина всегда заготовлена

пара старых фокусов. Например, почти всегда у его героев есть какой-нибудь предмет, который помогает, когда ничего не помогает. Вот и у мальчика Гриши есть зеленое стеклышко, посмотришь в него — и как будто лето. Искусство, которому учит Крапивин, это прежде всего искусство смотреть через зеленое стекло и видеть лето, что бы там на самом деле по ту сторону ни было.

ЖИЛ-БЫЛ ДВАЖДЫ БАРОН ЛАМБЕРТО
ДЖАННИ РОДАРИ
М.: LIVEBOOK, 2008
GIANNI RODARI.
C'ERA DUE VOLTE IL
BARONE LAMBERTO

«Жил-был дважды барон Ламберто» — сказка Джанни Родари для взрослых. Он написал ее в 1978 году, на русском она единственный раз выходила в сборнике 1985 года и с тех пор потерялась. Теперь ее нашли и переиздали, снабдив, честное слово, очень пугающими иллюстрациями Натальи Поваляевой. История такая. Старый, но очень богатый барон Ламберто внимательно следил за здоровьем и мечтал долго жить. Однажды в Египте он встретил философа, который поделился с бароном мудростью египетских фараонов: «Человек, имя кото-

рого непрестанно на устах, продолжает жить». Он нанимает шестерых высокооплачиваемых работников, чтобы они днем и ночью повторяли его имя, и начинает стремительно молодеть. Пока не появляются жадный до наследства племянник, 24 пирата по имени Ламберто, которые хотят барона ограбить, и 24 директора банка с личными секретарями — тут начинается обычный итальянский кавардак. Барон даже умрет, но потом случится настоящее чудо. Это — сказка для взрослых, непоучительная, счастливая сказка. Барон Ламберто, в прошлом противный старикашка, считавший каждую монетку, вместе со второй молодостью получает вторую жизнь и право на вторую попытку прожить ее хорошо. И каким бы он ни был в старости противным, можно не сомневаться — своего шанса не упустит. Пойдет, как и собирается, в цирк и наверняка станет прекрасным циркачом. Тут не расчет, а настоящее чудо, потому что больше же никому не по-

везло. «Иные события происходят только однажды. И, по правде говоря, только в сказках». 24 пирата по имени Ламберто, жившие с бароном под одной крышей, не помолодели ни на минуту. Родари писал свою сказку уже далеко не молодым человеком, за два года до смерти, наверное, ему тоже хотелось по-детски помечтать о том, как начать все сначала. Стать молодым, легкомысленным, таскать девушек на свидания, довольный колотить боксерскую грушу и больше ни о чем не думать.